

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня никому не надо объяснять, зачем люди интересуются своей родословной, а было время, когда казалось, что о своих предках при желании можно расспросить у дедов и родителей, но вот умерли наши бабушки, а дедушек у нас и не было, нет уже и мамы с папой. Теперь основной источник информации это мы с сестрой – Ширко - Данкиной Тамарой Ивановной. Есть еще наша троюродная сестра Хурхулу Зоя Семеновна – это она первая стала составлять родовое дерево, Людмила Базарова – жена троюродного брата Геннадия помогла собрать информацию о Шемаевых. Удивительным образом появились воспоминания отца, которые он писал в 2006 году, эти записи мы нашли в 2018 году при разборе бумаг в квартире родителей при её продаже. Есть многочисленные мамины "дневники", с которыми ещё предстоит разобраться – она описывала ежедневные рутинные дела, но есть там и хронология значимых для семьи событий. Углубиться вглубь веков и отыскать предков, о которых никто не помнит, возможно, поможет клуб "Моя родословная", членом которого я стала недавно. Хочется верить, что по мере описания нашей родословной будут появляться и другие свидетели и очевидцы, которых надеюсь найти на просторах интернета.

Строго говоря, то, что я описала, нельзя назвать родословной – это, скорее, семейная история, как я её себе представляю и хочется верить, что это будет интересно моим детям, в первую очередь. Знаю, что многие люди кто начинает собирать сведения о своей семье, надеются найти дворянские корни или каких-то замечательных знаменитых своих предков, у меня на этот счёт иллюзий не было, я с детства знала, что наши родичи из крестьянского сословия по отцовской линии и из мещан по материнской. Однако это были благородные, достойные уважения люди, среди них папа, которому присвоили звание почетного гражданина города Тюмени в 1995 году, а в 2004 в Большой тюменской энциклопедии появились статьи о папе – Данкине Иване Дмитриевиче и моем муже – Шаповале Сергее Вечиславовиче (правда, в энциклопедии его имя Шаповалов Сергей Вячеславович). Фамилия Сергея в энциклопедии изменена ошибочно, а отчество написано по правилам русского языка, в документах же его отчество со дня рождения пишется вопреки этих правил.

История нашей семьи типична для России, теперь мы уже редко говорим о Советском Союзе, однако, большая часть моей жизни, как и жизнь моих родителей, была связана с этой большой страной. В нашей семье была жертва сталинского режима – это дед Дмитрий Михайлович Данкин, но ни разу в жизни я не слышала ни от кого проклятий в адрес страны. Теперь меня поражает такое терпимое отношение к этому, но хорошо понимаю, что жить

с ненавистью в сердце невозможно. Бабушке Поле, жене Дмитрия Михайловича, помогала вера, мне кажется, что бабушкины молитвы помогают нам в жизни до сих пор. Папа был добросовестный коммунист, воспитанный советской системой, но при этом тонко чувствующий прекрасное, замечательный музыкант-самоучка, эрудит. Мама, по советским меркам, женщина работающая в "блатном" месте, что позволяло семье не испытывать материального недостатка, в том числе, благодаря папиной зарплате. Она обладала артистической натурой, в молодости мечтала стать опереточной актрисой, но в этом стремлении её никто не поддержал.

Наше поколение жило в самое благополучное время – родились мы после войны, получили достойное бесплатное образование, гарантированное трудоустройство, своевременный уход на заслуженный отдых, одним словом, мы – типичные представители советского застоя. При этом моё появление на свет пришлось на пору паровозов, городских деревянных тротуаров, наличия телевизора у соседей сверху, куда иногда приглашали. Домашний телефон появился у нас в середине 60-х годов, а в новой однокомнатной квартире стояла печка, которую надо было топить углём, правда, её сразу же поменяли на газовую плиту. Приобретение холодильника тоже было событием, а до того скоропортящиеся продукты висели зимой в авоське за окном, а летом даже не знаю где их хранили.

Вся моя жизнь связана с Тюменью, и как только я не рвалась уехать из неё навсегда, но рано или поздно приходилось возвращаться обратно. Справедлива поговорка "где родился там и пригодился". Такое стремление объясняется идеей родителей вернуться на родину, однажды они даже нашли подходящий вариант обмена квартиры на подмосковный Александров, но сестра ещё училась в институте, а я начала работать по распределению и по истечении трёх лет не имела права уволиться без уважительной причины. Все эти реалии сегодня кажутся анахронизмом, а мы с этим жили.

Мои воспоминания субъективны и наверняка на описанные события у их участников будет своя точка зрения, но это и понятно. Не исключено, что кто-нибудь из близких дополнит семейные истории своими воспоминаниями, а я посвящаю эту работу своим уже взрослым детям – Всеволоду и Павлу, в надежде, что им будет интересно познакомиться со своими родичами, многих из которых они даже не знали.

РОД ДАНКИНЫХ - ТЮТОЧКИНЫХ

Род Данкиных мы ведем от наших прадедов – Михаила и его жены Анны Абрамовны, у которых было много детей, но выжили трое – Дмитрий, Ефимия и Николай. Дмитрий (15.03.00 - 1941) это и есть наш дедушка, у него от жены Пелагеи Андреевны Тютючкиной (15.10.05 – 25.05.95) было пятеро детей, из выживших - Иван (мой отец), Татьяна и Семен. Две девочки – Аня и Катя умерли в детском возрасте, причем, бабушка Поля рассказывала, что после похорон Катюшки она, молясь у могилки, слышала ее крик, и получалось, что девочка была похоронена заживо. Про то, что была еще и Анна я узнала недавно, не помню, чтобы бабушка упоминала при мне ее имя.

Дмитрий Михайлович Данкин был репрессирован 21-22 апреля 1941 года Тульским областным судом за антисоветскую агитацию (ст. 58-10 УК РСФСР) и осужден к шести годам лишения свободы в ИТЛ, реабилитирован 02.02.57 года Верховным судом РСФСР. Причиной ареста послужил анонимный донос о том, что дедушка, работая в артели "Пищевкус" бухгалтером, однажды во время ремонта в конторе что-то поставил на газету с портретом Сталина, или портрет Сталина со стены поставил на пол. Дед был осужден без права переписки, поэтому его расстреляли в белёвской тюрьме почти сразу же после ареста. Про это мне рассказал в 2003 году дядя Сеня – папин брат.

На фото Дмитрий Михайлович Данкин

Эти сведения противоречат описанному в воспоминаниях отца, где сказано, что Дмитрий Михайлович был арестован ещё в 1938 году, а умер, по словам Зои Хурхулу, перед своей реабилитацией в ссылке (Зоя помнит, что об этом говорил мужчина, осужденный вместе с Дмитрием Михайловичем). Наверное, так и было.

Николая Михайловича Данкина – родного брата Дмитрия я хорошо помню, он жил в одном с бабушкой доме в городе Белёв Тульской области на улице 1-й Ершовской, номер дома 31. История того дома весьма примечательна, дело в том, что он был построен ещё в XIX веке, бабушка его приобрела за небольшие деньги, но эту историю лучше знает моя сестра. Еще одно обстоятельство, делающее этот дом замечательным, является то, что у Данкиных, по мнению некоторых, снимал комнату епископ белёвский Никита Прибытков, однако, хотя его в нашей семье знали, но жил он на соседней улице.

Прибытков Николай Григорьевич родился на Алтае в 1859 году. В 1935 году был назначен епископом Белёвским, викарием Тульской епархии. В 1922 году в Белёве была создана Православная церковная община, вначале она существовала при Спасо-Преображенской церкви бывшего мужского монастыря, затем при Стефановский (Богородице-рождественской) церкви, а в середине 30-х годов, когда епископ Никита прибыл в Белёв, при Казацкой (Никольской на Казацкой слободе) церкви. Епископ Никита Прибытков был арестован 16 декабря 1937 года, ему было предъявлено обвинение в том, что он являлся организатором и руководителем подпольного монастыря при Казацкой церкви Тихоновской ориентации. Дата мученической кончины арестованных в Белеве епископа Никиты, монашествующих, священнослужителей и мирян 3 января 1938 года. Их расстреляли и похоронили в Тесницком лесу на 162-м километре шоссе Москва-Симферополь. Никита Прибытков причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

У бабушки был большой иконостас со старинными иконами, по всей видимости, эти образа были из Никольской на Казацкой слободе церкви, в которой и проповедовал епископ Никита. Эта церковь находилась на большой поляне перед бабушкиным домом, её взорвали в период гонений на церковь в 30-е годы. В 2003 году, когда я гостила в Белёве у дяди Сени, он показывал мне места, где когда-то стояли церкви, их было не меньше семнадцати по его словам. Рассказал он и про то, как с бабушкой навещали в тюрьме отца, пока было разрешено, показал и место работы Дмитрия Михайловича. В записях отца эти посещения тюрьмы тоже описаны.

Про "необычного постояльца" и свою семью белёвской газете рассказал дядя Сеня, ниже приводится копия этой статьи.

4 стр. **Белёвская ПРАВДА**

ЗЕМЛЯКИ

ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

Гость редакции
В один из обычных летних дней (весьма жарких в этом году) к нам в редакцию заглянул худенький пожилой мужчина с аккуратной белой бородой. Уже с самого начала нашей беседы мне подумалось: «А не самый ли последний день до ареста отец сыновей той самой Пелагеи Андреевны Даникиной, в доме которой провел свои последние дни до ареста отец Никиты (Прибытков)?» И действительно, первой просьбой незнакомца стали номера газет с очерком о отце Никите. Семен Дмитриевич Данкин очень расстроился, когда я попросила его рассказать о тех далеких днях...

Необычный постоялец
Именно таким необыкновенным и загадочным человеком представлялся девяностилетнему Сене, а также его братишке и сестренке тихенький, плохо одетый старичок, которого все в доме именovali батюшкой. И не только за его почтенный возраст, согбенные плечи и седину. Жилец Даникиных и в самом деле имел духовный сан.

Был он очень незаметным. Дети редко видели его, потому что он либо тихо молился у себя, либо уходил на заработки. И трудно было даже глубоко верующей, набожной маме Семена Пелагеи Андреевны, в доме которой никогда не угасал огонек лампы-улички, и представить себе, что этот неприятный крошечный батюшка примет столь мученическую кончину. На долгие годы даже имя его упоминается не будет. Но, в

конце концов, все возвращается к своим истокам: это светлая мишура жизни и обмана и просияет на Белёвской земле.

... Случая Семена Дмитриевича и видя его невольное заблестевшие в глазах слезинки, припоминаю я Нину Яковлевну Григорьеву. Она была первой, кто рассказывал мне об отце Никите. Когда я принесла ей по ее просьбе увеличенный портрет батюшки, она, зная его также девочкой, не удержалась от слез и принялась горячо целовать дорогое лицо.

Отец
Навсегда в памяти Сени останутся те несколько ступенек вверх, которые он преодолевал, чтобы увидеть отца на его рабочем месте в тесной, заваленной бумагами бухгалтерии артели «Пищевкус» (она находилась в здании, соседствующем с нынешней коммерческой аптекой на ул. К. Маркса). Отец мальчика Дмитрий Данкин работал скромным бухгалтером. Семья жила очень скромно, но отличалась большим радушием.

Частенько, устав от бесконечных столбиков цифр, криков начальства и всего того непонятного и пугающего, что творилось вокруг в те суровые тридцатые, приходил этот человек домой и после скудного ужина брал в руки любимый баян, ложился на кровать и тихо перебирал кнопки: «Когда б имел золотые горы...» Да так и засыпал с инструментом на груди.

Страшное горе на семью Даникиных обрушилось внезапно-негадано. Был самый обычный день. Пелагея Андреевна хлопотала по хозяйству, ребятишки со звонкими криками бежали во дворе. И вдруг будто громадная мрачная туча набежала из-за реки и все вокруг: и родная Ершовская улица, и заокские дали, дома, деревья, люди – утратило цвет, стало черно-белым. «Как? За что? Почему арестован?» – с недоумением глядя в спину удалявшемуся курьеру, терялась в догадках Пелагея Андреевна.

И с этого дня про обвиненного по доносу Дмитрия Даникина и еще двоих его сосуживцев никто ничего больше не слышал.

Великое горе обрушилось на хрупкие плечи Пелагеи Андреевны. Но ее чистая глубокая вера в Бога, желание делать любую работу (частенько даже приходилось ходить на станцию разгружать вагоны), чтобы поднять детей, помогли ей преодолеть многие трудности и беды.

Не забыл Семен Дмитриевич и еще одно трагическое событие на их улице, которое тогда ему, мальчишке, казалось лишь чем-то необычным и только.

Помню, я делал уроки, – рассказывает Семен Дмитриевич, – как вдруг раздались ужасный грохот. Земля содрогнулась. Я выскочил за калитку и застыл, как вкопанный. Несколько рабочих с помощью примитивных приспособлений и ломов сбросили с нашей Никольской церкви вначале колокол (он-то, ударившись оземь, и потряс наш дом, как при землетрясении). А потом эти люди расшатывали купол, и он упал и воткнулся в землю крестом.

Окские зори
На этом кошмарном отношении к храму не закончилось (его внешний облик напоминал ныне действующий Свято-Троицкий храм), – продолжает свой рассказ Семен Дмитриевич. – Впоследствии в его стенах была устроена гвоздильная мастерская. А на площади перед церковью стояли колесные трактора. На них учились ездить женская бригада.

Грохот, дым и пыль до самого вечера наполняли нашу некогда тихую улицу. А обучали столь нелегкой профессии молоденьких шестнадцатилетних девочек. Все они снимали

ли комнату в нашем доме и по-видимому были уроженками окрестных деревень.

Вечером, отмывшись от гари и пыли, поужинав своей неизменной картошкой с капустой, они начинали упрямить меня: «Сень, ну сыграй!»

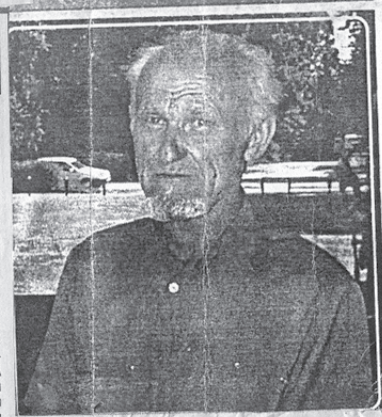
Наша семья: и покойный отец, и дядя, который не вернулся с империалистической, и мой старший брат, и я – все были очень музыкальны. Особенно хорошо играл брат. Он владел не только хроматической гармонью, но и гармошкой с очень сложным русским строением, ну и, конечно, баяном. Но для деревенских девчушек и такое «пиликание» было музыкой. Пясами, пели частушки до упаду. Я уставлял, начинал ворчать: ведь тоже хотелось побегать с ребятами. А они все не отставали: играй, да играй!

Люблю я нашу улицу. Прекрасные дали за Окой. Вся жизнь, где бы ни был, влекли меня сюда мои воспоминания и нежные Окские зори.

После окончания Московского института железнодорожного транспорта работал я и жил в разных местах. Сейчас вышел на пенсию. И хотя живу с семьей в большом городе, в хорошей трехкомнатной квартире, сразу, не раздумывая, приехал в Белёв, чтобы купить на родной улице дом. Соседи написали: мол, продается дом, хочешь – приезжай, посмотри. А что там смотреть! Приехал и сразу купил.

И теперь мы с женой тихими летними утрами любимемся из окна заокскими далями, малиновыми расцветами. Пьем с внуками чай на веранде и вспоминаем былое.

А. Галкина.

Николай Михайлович и Ефимия Михайловна проживали в Белёве, Николай в одном с бабушкой доме, а баба Фима на той же улице вместе с семьей своей дочери Анны Силуяновой. В детстве я знала, что Николай Михайлович дядя моего отца, а вот на то, что Фима папина тетя внимания не обращала, вообще хитросплетения родственных уз были мне малоинтересны (к сожалению). Женой Николая Михайловича была Анна Кузьминична (баба Нюра), у них двое детей – дочь Людмила (проживала в Благовещенске с мужем Константином Цветковым и сыном Сергеем, который утонул в молодом возрасте не оставив после себя наследников), позже у Людмилы были ещё дети. Сын Николая Михайловича и Анны Кузьминичны Олег Данкин (служил военным врачом в Грузии, где женился на Элико у них дочь Тамара, проживающая вместе с матерью в Москве) умер, не дожив до старости.

У Ефимии Михайловны от мужа Николая Зайцева родилось пятеро детей – Петр, Илья, Варвара, Иван и Анна. У Анны от мужа Михаила Силуянова двое детей – Евгений и Ирина, они до сих пор живут в Белёве, имеют свои семьи, с Ириной моя сестра Тамара дружит с детства. Про других этих моих двоюродных дядей и тётки я ничего не знаю.

На фото бабушкин дом на 1-й Ершовской

Теперь обратимся к родословной Пелагеи Андреевны Данкиной (Тютючкиной) – жены Дмитрия Михайловича и нашей бабушки. Её родиной является село Сытичи Тульской области, где родился и наш отец. Из родословной, составленной Зоей Хурхулу, следует, что родителями бабушки Поли были Андрей Федорович Тютючкин и Домна, а родителями Андрея Федоровича – Федор и Дарья. В детстве я спрашивала бабушку Полю о фамилиях её родичей, и она называла девичью фамилию то ли матери Домны, то ли своей бабушки Дарьи – Цветкова. Андрей Федорович Тютючкин имел Георгиевский крест за участие в русско-японской войне, где он и погиб, у них с Домной было двое детей – Иван и Пелагея.

Как уже говорилось, у бабушки Поли было трое детей – Татьяна (1921-1965), Иван (1924-2011) и Семён (1930-2016). Татьяна Дмитриевна вышла замуж за Николая Суханова и у них двое сыновей – Виктор и Александр, у Виктора от жены Раисы сын Сергей, а Александр так и не женился, у него нет своих детей, но он забрал к себе сына Наташи (сестра его по отцу Николаю) после ее смерти. Свою тётю Таню я видела несколько раз – однажды, совсем в раннем моём возрасте, мы ездили к Сухановым в Ригу, где они жили. Ещё один раз я помню её в Белёве. У Семёна Дмитриевича от жены Анны есть дочь Ольга, она замужем за Виктором Орловым и у них двое сыновей – Иван и Саша.

На фото бабушка Поля (Пелагея Андреевна)

С семьёй дяди Сени мы часто встречались в Белёве, ездила я к ним и в Узловую. В 1988 году поехала, чтобы увидеться с бабушкой Полей, которая уже проживала там по причине своего возраста. Однако тогда она уехала в Белёв и жила летом у себя в доме. Я поехала к ней, будучи беременной Севой, чтобы получить её благословение. Несмотря на то, что в то время наш с Сергеем брак ещё не был оформлен, бабушка порадовалась за меня и пожелала всего доброго. Это был последний раз, когда я была в нашем доме и видела свою бабушку.

На фотографии семидесятых годов Серёжа Цветков, Николай Михайлович и папа (пилит) представлена типичная картина жизни белёвского двора. Николай Михайлович сам делал себе лодки для рыбалки, несмотря на хромоту после военного ранения, поэтому во дворе постоянно что-то мастерили. С Серёжей Цветковым мы часто играли, во дворе и в саду всегда было чем заняться. Однажды, проездом из Белёва в Благовещенск, Анна Кузьминична с маленьким Серёжей остановилась ненадолго у нас в Тюмени. Серёжа был большой шалун, мы допоздна играли с ним в догонялки и боролись подушками.

На этой фотографии я с родителями, мне два года, если приглядеться, то справа можно увидеть морду собаки – это овчарка Пальма. У бабушки всегда в доме жили рыжие коты и их всегда звали Кузями.

Ивана Андреевича Тютючкина (бабушкиного родного брата) я хорошо помню, он жил также в Белеве и часто приходил в гости. Помню их с дядей Сеней долгие разговоры и даже споры. Дело в том, что и Иван, и Пелагея оцерковленные и очень набожные люди. Каждое утро и вечер бабушка подолгу молилась перед иконостасом, замаливая грехи своих предков и потомков. Дед Иван толковал Библию и утверждал существование Бога, дядя Сеня, как и мой отец, были коммунистами и, естественно, с дедом Иваном были категорически не согласны. Однако спорщиком был Семён, а Иван (мой папа), как правило, только слушал. Еще одним участником этих философских разговоров был Слава Чередниченко – брат Зои Хурхулу и, соответственно, внук Ивана Андреевича. Эти разговоры иногда происходили вечером в комнате, которая называлась кладовкой по причине того, что жилой она бывала только летом и в ней хранились всякие припасы. Летом же все приезжающие в гости к бабушке стремились непременно занять эту комнату, где кроме всего прочего стояли две кровати и два старинных сундука, а ещё важным преимуществом этого помещения были ставни, которые на ночь закрывались. Так вот, если мне доставалась одна из этих кроватей, то я часто и засыпала под эти богословские разговоры.

У Ивана Андреевича от жены Анны Андреевны Дубовкиной семеро детей – Анна, Иван (погиб), Полина (в родословной Пелагея), Ася (в родословной Анастасия), Мария, Татьяна, Георгий. Иван Андреевич был женат и вторым браком на Матроне Васильевне Городничевой, с ней у него было трое детей – Нина (умерла), Любовь и Надежда. О существовании этой ветви рода Тютючкины я знаю только из родословной, составленной Зоей Хурулу.

Анна Ивановна от Андрея Чередниченко родила Ростислава (того самого Славу Чередниченко, с которым велись богословские разговоры), а от мужа Семёна Хурхулу нашу троюродную сестру Зою. Были еще у Анны Ивановны Евгений и Владик Чередниченко, но он умерли. У Ростислава Андреевича двое детей от жены Татьяны Стаценко – Ирина и Андрей. Зоя Семёновна имеет дочь Анну от мужа Владимира Моисеева.

Полина Ивановна была замужем за Сергеем Мелиховым, их брак был бездетным. Ася Ивановна вышла замуж за Василия Перунова и у них двое детей – Владимир и Сергей. Мария Ивановна от мужа Евгения Мельникова родила дочь Галину (Галя одно время, выйдя замуж за Юрия Вардамаева, жила на квартире в бабушкином доме и я от неё узнавала "секреты" супружеской жизни) и сына Владимира, который назвал меня однажды в детстве барыней-сударыней, однако я решила, что барыней-сударыней нужно называть именно его, а не меня.

Татьяну Ивановну и Георгия Ивановича совсем не помню и, наверное, я их и не знала. В родословной указано, что Татьяна Ивановна была замужем за Владимиром Беликовым и у них дети Саша и Нина. У Георгия Ивановича с женой Зинаидой дети Ольга и Валерий.

Бабушка Поля и многие другие наши родственники похоронены на белёвском кладбище, за могилами пока есть кому ухаживать, туда часто приезжает Зоя Хурхулу.

На фото мама, Паша, дядя Сеня, белёвское кладбище 2001 год

В 2001 году Паша вместе с бабушкой и дедушкой ездил в Белёв, наши родственники и знакомые имели возможность познакомиться с ним, а за его рассуждения даже обращались к нему по имени-отчеству. К сожалению это была единственная возможность познакомить моих родственников с одним из моих сыновей, а ему увидеть места, где мы с сестрой любили бывать в детстве.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

На фото Белёв со стороны Оки. 70-80 гг.

На фото вид на Оку с пустошки июль 2003 г.

На фото епископ Никита Прибытков

На фото Анна Ивановна, мама и я во дворе белёвского дома

На фото Ольга Данкина и я. Белёв

На фото мама слева. Белёв

На фото Данкины, Силуяновы, Сухановы и гости у ворот дома на
Ершовской

На фото бабушка Поля, Тома, я и мама на даче у дяди Сени в Узловой

На фото папа встречает нас на вокзале в Белёве

На фото Ольга Данкина, на пороге дома бабушка Поля

На фото папа с Николаем Михайловичем

На фото Николай Михайлович и папа собирают плакун под Жабынью 1969 г

На фото Семён, Анна, Нила, Ваня, Владимир Солнцев, Паша 2001г.

На фото Зоя Хурхулу (стоит во втором ряду) с семьёй

РОД ШЕМАЕВЫХ - ЖИРНОВЫХ

Теперь обратимся к рассказу о другой ветви нашего рода – родичах нашей мамы Неониллы Аполлоновны Данкиной в девичестве Шемаевой. Следует сказать, что всё детство я считала, что эта фамилия пишется через букву "А" - ШАмаева, но вот в свидетельстве о её рождении есть разночтения – в фамилия отца Неониллы и её самой "Е", а в фамилия маминой мамы "А". Эти наши родственники проживали в основном в Белгородской области городе Старый Оскол.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**
восстановлено

ЭВ № 371323

Гр. *Шемаева*
Неонилла Аполлоновна
родилась (дочь) *25/12-1949 г. тысяча девятьсот сорок девять*
о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении *Старо Оскольский ЗАГС* 1949 года
октябрь месяца *12* числа произведена
соответствующая запись за № *3218*

Родители:
Отец *Шемаев*
Аполлон Дмитриевич
национальность *русский*
Мать *Шемаева*
Анастасия Ивановна
национальность *русская*
Место рождения ребенка: город, селение *со. Дашевское*
район *Хурский* область, край,
республика *РСФСР*
Место регистрации: *Старо Оскольский ЗАГС Хурской об.*
Дата записи *12 октября 1949*
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния *Гланов*

Мамин отец Аполлон Дмитриевич Шемаев (умер 08.12.24 года) вырос в многодетной семье, где было одиннадцать детей, их родителями были Дмитрий и Анастасия. Никого из этой ветви своих предков я никогда не видела, хотя умерли наши прадеды в преклонном возрасте. По всей видимости, это связано с тем, что мамин отец умер ещё до её рождения, и бабушка вышла замуж второй раз. Правда однажды я в Москве останавливалась в квартире деда Зори (Захара) – это брат Аполлона, но ключи от квартиры дали соседи, а самого Зори в это время не было. Слышали мы и про Капитолину, как видно из схемы родословной – это дочь Павла Шемаева и Александры.

В Ленинграде жили ещё две мамы двоюродных сестры – Нина Шемаева и Вера, мама ездила к ним, но чаще я слышала о Вере, чем о Нине. В раннем детстве я была с родителями в гостях у Веры, но, конечно, не помню этого.

Еще есть информация о Якове – это отец Любви Яковлевны Шемаевой (в замужестве Базаровой) маминой двоюродной сестры, с которой мама переписывалась практически до самой её смерти.

На фото Люба Базарова и Нила

Любовь Яковлевна одна из четырёх детей Якова Дмитриевича Шемаева и Елизаветы Васильевны Звягиной и мама нашего троюродного брата Геннадия Базарова, с семьёй которого мы не только знакомы, но и живём в одном городе. Информацию о Шемаевых я в основном узнавала у Людмилы Базаровой – Гениной вдовы (Гена погиб в автомобильной катастрофе в 1994 году). У Гены и Людмилы двое детей – Елена Геннадьевна, она замужем за Александром и имеет двойняшек Юлю и Тимофея, а также сын Евгений, он женат, живёт и работает в Москве. Я в своём дошкольном детстве видела Елизавету Васильевну и вспоминаю, что бабушка Клава называла её "мил моя", наверное, Лизочка (так её звали родные) часто употребляла это ласковое обращение.

У Якова Дмитриевича одним из сыновей был Геннадий Дмитриевич Шемаев (рожд. 1929), сыгравшим главную роль в судьбе наших родителей, одно время он жил в Тюмени (работал с папой на железной дороге) и был женат на Мае, но их брак был бездетным, они разошлись, и дядя Гена уехал в Воронеж. Я помню, что он приезжал иногда на утиную охоту и останавливался у нас.

Дедушка Аполлон умер совсем молодым от перитонита, его не успели довести до больницы с приступом аппендицита. Бабушка Клава рассказывала мне, что Аполлон "увёл" её от другого из-за свадебного стола. Он тогда был

"коробейником" и часто уезжал по торговым делам, во время одной такой поездки бабушка чуть не вышла замуж, однако вернувшись, Аполлон буквально украл её у жениха. Умер Аполлон, когда бабушка была беременна моей мамой, и он во сне сказал ей, чтобы будущую дочь назвали Неониллой, что и было сделано. Есть только одна фотография дедушки, её бабушка вырезала из большой общей фотографии железнодорожников, чтобы унести с собой от немцев во время оккупации. Дело в том, что Клавдия была членом партии и могла пострадать от этого, к счастью её вовремя предупредили и она, собрав небольшие "пожитки" с двумя дочерьми ночью ушла из Старого Оскола. Эти события мама, бабушка и тётя Алла часто вспоминали, причём часто с большим юмором, хотя говорили и об ужасах бомбежек и опасностях встреч с оккупантами.

На фото Аполлон (в середине)

О роде Жирновых нет практически никаких сведений, сохранились только две фотографии. На одной семья Жирновых, где маленькая Клавдия на руках своей матери Агриппины рядом с отцом Иваном и своими братьями. Другая фотография - это удостоверение личности прабабушки Агриппины. В маминых записях я нашла, составленный ею список родственников, из которого следует, что у Клавдии были три брата - Михаил, Степан и Сергей, там же есть сведения об их жёнах и детях. Из этих записей также следует, что по линии матери у Неониллы было одиннадцать двоюродных братьев и сестёр, а по линии отца двадцать девять.

На фото семья Жирновых

На фото удостоверение личности Агриппины Жирновой

Из рода Жирновых мы знали двух двоюродных маминых сестёр, проживавших в Волгограде – Марию Михайловну и Лидию Михайловну Жирнову, Лидия замужем не была и детей у неё нет, а у Марии был сын (кажется Владимир). Я бывала у них, останавливались мы у тёти Марии в центре Волгограда. Приезжала Лидия в 1964 году и к нам в Тюмень, даже есть фотография, на которой мы вместе с тётей Лидой.

На фото Лидия Михайловна во время приезда в Тюмень

Хорошо помню конфеты, которые Лидия Михайловна привезла тогда, одна коробка шоколадных в какой-то роскошной кружевной бумажной упаковке, другие были карамелью с непонятным не знакомым запахом, кажется, я его и сейчас бы узнала. После окончания университета была идея мне устроиться на работу в волгоградский исследовательский институт, в котором работала тётя Лида, для этого мы ездили в Волгоград и я ходила на собеседование. Однако, система обязательного распределения предписывала мне выйти на работу в ОблФО Тюменской области и не выполнение этого предписания грозило мне и другому работодателю серьёзными санкциями.

Вторым мужем бабушки Клавы был Семён Чумаченко, от которого родилась дочь Алла (20.11.31 – 15.04.03) – наша тётя Алла сестра мамы. Этот брак тоже не был длительным, бабушка разошлась с Семёном как рассказывала мама из-за того, что она не приняла отчима и, несмотря на свой юный возраст, делала всё, чтобы их развести, то есть капризничала и вредничала в его присутствии. С сестрой же у них всю жизнь были прекрасные отношения, любили свою тётю и мы с сестрой. Тётя Алла была замужем за Михаилом Владимировичем Баранниковым (1928-1992), с которым у них двое сыновей – Вячеслав (1950-2003) и Владимир (род. 1958). Вячеслав был женат один раз на Людмиле, но развелся с ней, у них двое детей – Андрей и Александр. Владимир был женат дважды и дважды разводился, от второй жены Ирины у него сын Антон. Дядя Миша и тётя Алла работали на железной дороге, он кажется, слесарем, был хорошим работником кавалером ордена Ленина, а она работала телефонисткой.

Тётя Алла, так же как и бабушка, Клава, жили в Старом Осколе недалеко друг от друга на соседних улицах в районе железнодорожного вокзала. Каждое лето нас родители увозили в отпуск, стараясь посетить обеих своих мам, и в Белёве и в Старом Осколе у нас были свои друзья. Во дворе на Стадионной улице, где жила тётя Алла со своей семьёй, по вечерам собиралась молодёжь, популярной была игра в лото, иногда пели песни под гитару. В то время некоторые молодые люди нелегально выходили в эфир с музыкальными программами, их называли "пиратами", так вот, один парень, которому я нравилась, однажды для меня поставил какой-то сентиментальный вальс, а мне почему-то из-за этого было неудобно перед друзьями. Видимо ждала более современного посвящения.

В конце своей жизни Алла Семёновна, оставшись вдовой, заболела туберкулёзом, они с её сыном Владимиром продали квартиру в городе и переехали в сельскую местность. Она, уже заболев, приезжала к нам раза два, была идея оставить её в Тюмени, но этого не случилось. Вячеслав отсидел в тюрьме, выйдя из неё, не смог приспособиться к жизни и был убит в пьяной драке. Про Владимира нет никаких сведений, его жена Ирина вышла замуж второй раз, и отчим заменил Володиному сыну Антону отца.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

На фото Неонилла в детстве

На фото Клавдия и Неонилла

На фото Алла и Неонилла

На фото Неонилла с крестником Славой Баранниковым

На фото Слава, Неонилла и Клавдия Ивановна-мать Неониллы

На фото Алла в детском саду (в первом ряду с барабаном)

На фото Мария Михайловна (в центре во втором ряду)

На фото Мария Михайловна Жирнова и Михаил

На фото Вера и Юрий, Ленинград

На фото Нина Шемаева, Ленинград

На фото двоюродная сестра Неониллы Капиталина

На фото Любовь Яковлевна Базарова и Неонилла

На фото Михаил и Алла Баранниковы

На фото Алла Семёновна, Володя и Михаил Владимирович Баранниковы

На фото Алла с сыном Владимиром и его первой женой Натальей

На фото Слава, я, Тома и Вова. Старый Оскол

На фото Люда и Слава Баранниковы

На фото Володя и Ира Баранниковы

ПАПА И МАМА

Мой папа Иван Дмитриевич Данкин родился 24 сентября 1924 года в селе Сытичи Лихвинского района Калужской (сейчас Тульской) области. Иван был вторым ребёнком в семье, старшей была сестра Татьяна, а младшим братом - Семён. Видимо семья часто меняла места жительства, так место рождения Семёна в 1929 году посёлок Ленинский Лихвинского района. Однако в раннем возрасте родители переехали в город Белёв, который и стал малой родиной отца, именно туда мы ездили каждое лето, там жила бабушка и папин дядя Николай Михайлович Данкин со своей женой Нюрой (Анной Кузминичной). Бабушка Поля и дядя Коля жили в одном доме на улице 1-й Ершовской 31, в этом доме каждое лето собирались родственники со всей страны. Жили в Белёве и папины двоюродные сёстры, иногда в маленькой комнате в бабушкиной половине дома жили квартиранты, часто это были бабушкины племянники или их дети, поэтому в доме всегда было многолюдно, а гостям всегда рады.

Аттестат зрелости об окончании средней школы рабочей молодёжи Иван получил в 1951 году одновременно со свидетельством трёхгодичной школы машинистов паровозов, окончить среднюю школу вовремя помешала война, на которую папа ушёл семнадцатилетним. Папа воевал механиком-водителем в 768 отделении самоходного артиллерийского полка и в августе 1944 года в бою на территории Эстонии в городе Реола был ранен, однако оказался в списке погибших, поэтому на него пришла похоронка. Оказавшись в госпитале, он написал письмо о случившемся, и бабушка, к счастью, получила это письмо раньше сообщения о гибели сына. Находясь в госпитале с осколочным ранением в ногу, Иван поднимал настроение пациентов игрой на баяне, чему научился ещё в детстве. Демобилизовался он из армии в звании старшины в 1948 году. После возвращения из армии и окончания обучения в Тульской трёхгодичной школе машинистов паровозов в 1951 году папа был направлен на работу в Тюмень, где началась его славная трудовая биография.

В Тюмени его поселили в общежитие на улице Калинина, это здание до сих пор существует, в нем находится филиал института инженеров транспорта. Здесь получали первоначальное жильё молодые специалисты, пребывающие по распределению, для работы в Тюменском отделении Свердловской железной дороги. Думаю, что именно в этом общежитии папа и познакомился с Геннадием Шемаевым – двоюродным братом моей мамы. Дядю Гену я хорошо помню, он был женат на Мае и, кажется, любил её, потому что, когда Мая ушла к другому, он очень переживал. Позднее, когда Геннадий уехал в Воронеж, он приезжал в Тюмень на утиную охоту и

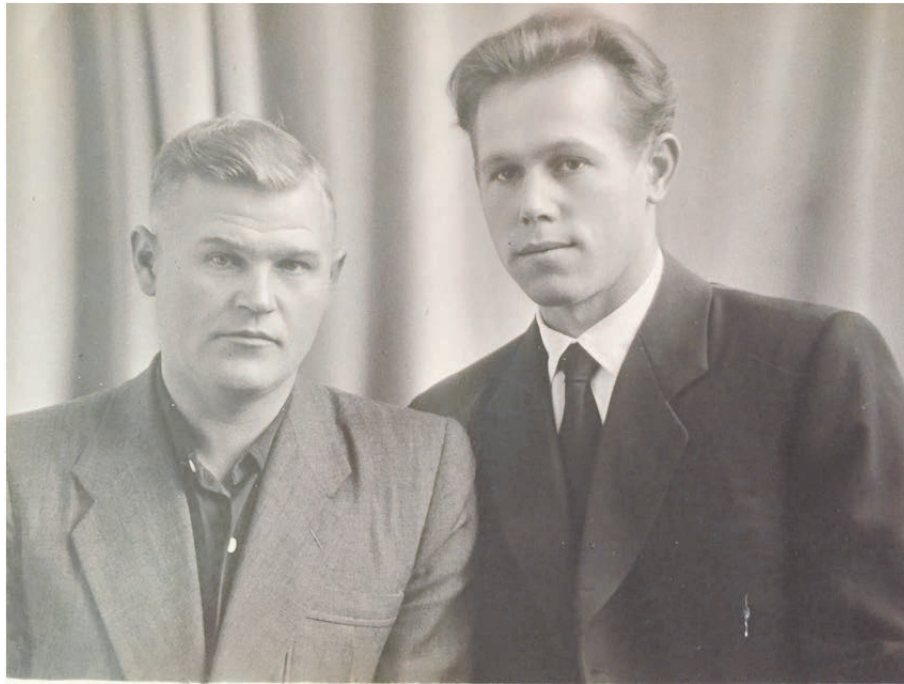
останавливался у нас, последний раз он приезжал, когда я училась в университете. Больше он так и не женился, и детей у него нет. Дядя Гена называл папу Шопеном – этим прозвищем подчёркивалась папина любовь к музыке, особенно музыка Шопена ему очень нравилась.

На фото здание бывшего общежития на ул. Калинина, д.5

Так вот, именно Геннадий попросил маму прислать фотографию с подругами, желательно москвичками, чтобы, познакомившись с ними, иметь перспективу уехать в Москву. Предварительно молодые люди сфотографировались и отправили фото Неонилле для знакомства, похоже, Иван ей понравился. Мама сфотографировалась с подругами и отправила фотографию брату. Иван, поглядев на девушек, заинтересовался Неониллой, Геннадию, похоже никто из подруг не приглянулся, тогда он взялся устроить встречу сестры с Иваном, отложив мечту о Москве на будущее. Ниже представлены эти два знаменательных снимка (кстати, на фотографии мама в блузе, которую она сама вышивала, я эту кофточку помню).

Мама работала бухгалтером - операционистом в горуправлении госбанка города Каменска и произвольно покинуть службу не могла, тогда Геннадий предложил отправить ей телеграмму о болезни Клавдии Ивановны (которая в это время была, к счастью, здорова и жила в Старом Осколе). Руководству конторы об этом известно не было, и они сочувственно отпустили молодую девушку "к больной матери".

На фото Иван и Геннадий лето 1956 года г. Тюмень

На фото Майя, Нила, Валя 16.09.56 год г. Шахты

Так и состоялась эта встреча, но чтобы продолжить их общую историю необходимо рассказать о маминой биографии до этой поездки в далёкую Сибирь.

Неонилла родилась 24 мая 1925 года в станице Ламская – это район Старого Оскола, однако при восстановлении свидетельства о рождении в Старо Оскольском Загсе, указано 25 мая 1925 года. Кому-то показалось что "красивая" дата лучше, впоследствии мама обижалась, если не получала поздравлений 24-го. К моменту рождения её мама уже почти как полгода

была вдовой, Аполлон Дмитриевич умер от перитонита в декабре 1924 года, а приснившись своей жене Клавдии накануне родов, предрёк рождение дочери и наказал дать ей имя Неонилла. Позже бабушка вышла замуж второй раз и родила в 1931 году дочь Аллу. Отчим Неонилле не нравился, об истинной причине развода бабушки с Семёном Чумаченко нам неизвестно, но все соглашались с утверждением мамы, что это она и развела свою мать с отчимом. Не помню, чтобы тётя Алла говорила когда-нибудь о своём отце или о родственниках по отцовской линии.

Многочисленная родня Аполлона жалела и баловала сироту Нилу, она в детстве была болезненным ребёнком, поэтому впоследствии имела ослабленный слух. Всячески оберегала от хворей свою любимицу и бабушка Клава, Алла хоть и была младше, но именно она попрошайничала на вокзале во время оккупации, чтобы прокормить семью. О школьных годах Нилы и Аллы нам ничего не известно. Есть сведения, что в 1940 году мама поступила в Ростовский морской техникум на гидрометеорологическое отделение, закончить его помешала Великая Отечественная война.

Начало войны застало семью Клавдии Ивановны в Старом Осколе, вскоре он был оккупирован. Бабушка Клава была членом партии и её предупредили о том, что этот факт стал известен оккупантам, а на другой день фашисты будут арестовывать коммунистов. На сборы и побег была одна ночь, собирали в узелки только самое необходимое, единственная сохранившаяся реликвия из этих вещей – фотография Аполлона, чей портрет бабушка вырезала из общей большой фотографии железнодорожников. Это единственное изображение нашего деда (в семидесятые годы, увидев артиста Геннадия Бортникова в телефильме "Портрет Дориана Грэя", бабушка сказала, что он очень похож на её первого мужа).

Побег спас Клавдию от ареста, бабушка с дочерьми попадали под бомбежки, скитались по чужим хатам. Иногда в доме, где они останавливались, квартировали захватчики – это были и немцы, и румыны, воевавшие на стороне фашистов. Бабушке даже удавалось вести с ними нехитрый диалог, вроде того, что им эта война тоже не нужна и пусть бы Сталин с Гитлером выясняли отношения один на один, не привлекая к своим амбициям целые народы. Иногда, сжалившись, фашисты, угощали бабушку тушёнкой, но это не умаляло ужаса оккупации. Нила уже была привлекательной девушкой и, чтобы у солдат не было соблазна, бабушка мазала её лицо сажей и одевала в тряпье, а при необходимости пугала мужчин страшными болезнями своей дочери. Это помогало, потом нам говорили, что всем им сильно повезло, потому что это не были войска СС, которые всё уничтожали на своём пути.

Рассказывая про этот период мама, тётя Алла и бабушка много смеялись, вспоминая какие-то нелепые ситуации или людей, которые горемыкали, но оптимизма и веру в лучшее не теряли. Часто можно было слышать фамилию Носовы, то ли они вместе скитались, то ли были в родственной связи, то ли жили какое-то время у них, возможно уже после оккупации, потому что бабушкина квартира была разорена. В маминых фотографиях есть послевоенный снимок Вали Носовой, может это и есть одна из их военных подруг.

С 1948 по 1950 годы Неонилла работала бухгалтером в детских яслях Старого Оскола, в 1951 году она уехала в город Кузнецк Пензенской области работать в учебном центре военно-воздушных сил техником по учёту лётной документации. Подозреваю, что именно здесь мама познакомилась со своим первым мужем Яковом, факт первого маминого замужества от нас скрывался и только, когда мне было 14 лет, об этом поведала Анна Кузьминична (тётя Нюра) – жена Николая Михайловича Данкина – папиного дяди в Белёве. Она раскрыла эту тайну и сестре Тамаре, когда ей тоже было 14 лет.

На фото мама с первым мужем и его сестрой

Потом мы спрашивали маму об этом замужестве, но ничего примечательного она не рассказывала, а причиной развода называла заботу мужа о дочери от первого брака, однажды в магазине в присутствии Нилы он захотел купить валеночки своей дочери Танюшке. Однако жили молодые вместе с сестрой и матерью маминого мужа, наверное, между женщинами в этой семье было недопонимание. В 1954 году Нила уже работала в

Каменской областной конторе госбанка бухгалтером, где по переписке в 1956 году и познакомилась с будущим мужем.

Вызванная телеграммой Неонилла приехала в Тюмень, где её радушно встретили Геннадий и Иван. Они устроили вечеринку, на которую пригласили своих друзей, некоторых с жёнами, для знакомства с потенциальной невестой. Присутствовавшие, естественно, заинтересовались что дальше, Иван ответил "посмотрим", в смысле надо поближе узнать друг друга, тогда Неонилла, наклонившись к уху брата, громко спросила, когда ближайший поезд может увезти её обратно. Папа маме при личном знакомстве понравился ещё больше, его голос, грамотная речь произвели на жительницу южных областей большое впечатление. Что в маме понравилось папе осталось загадкой, но он здесь же в присутствии всех предложил оформить ей законный брак, на что она ответила согласием. Свадьбу справили не откладывая, не знаю, ездила ли мама увольняться до или после свадьбы, знаю только, что с её стороны гостями на свадьбе были, приехавшие из Старого Оскола, сестра Алла с мужем Михаилом.

Поженившимся родителям предоставили комнату в коммунальной квартире на улице 9-е Января, где их соседями были тоже молодая семья Ярмольчиков – Николай Герасимовича и Валентины Васильевны, с ними родители дружили всю жизнь. Позднее в этом же доме у нас была 3-х комнатная квартира. Наверное, в этот дом меня и принесли из роддома, но мои первые воспоминания о двух комнатах в большой коммунальной квартире на улице Фрунзе, окнами комнаты выходили на пустырь и овраг (теперь там железнодорожный универмаг), а двор граничил с кинотеатром "Октябрь". Достаточно быстро отцу предоставили однокомнатную квартиру в новом доме на улице Мира 31, где соседями были Шаклеины Иван и Мария со своими дочерьми Ниной и Галиной – это бабушка и бабушка моей подруги детства Наташи Мочаловской (потом Демьяновской) в замужестве Долговой. Именно Нина Ивановна – Наташина мама (товаровед) предложила моей маме работу бухгалтера на базе Рособувьторг, где мама проработала до самой пенсии. В первый класс я пошла из дома на улице Мира, а когда в 1966 году родилась моя сестра Тамара, папе дали двухкомнатную квартиру на улице Карла Маркса 10. Оба дома имели один большой двор, поэтому переезд был на плечах родителей буквально.

Переезды были достаточно частым явлением в нашей семье (по сравнению с другими), но всегда это было в Калининском районе в пределах одного-двух кварталов с противоположной стороны от исторического центра города за железной дорогой. Это связано с тем, что жильё для железнодорожников строилось в непосредственной близости от их места

работы, поэтому, возвращаясь по ночам из поездок, папа спокойно шёл домой пешком. Наверное, и поэтому тоже, у нас никогда не было автомобиля, хотя благосостояние позволяло, и отец всегда был на хорошем счету, приятельствовал с начальством и мог спокойно себе это позволить. Не было у нас и дачи, которая бы предполагала необходимость автомобиля, но самое главное, что основным развлечением были ежегодные путешествия к родным папы и мамы в Белёв и Старый Оскол, поэтому машина была не нужна - железнодорожникам и их детям раз в год предоставляется возможность ездить на поездах бесплатно.

Жили родители достаточно дружно, ссорились не часто и в основном по пустякам. Однако одну-две ссоры я запомнила. Первая была в гостях у Шаклеиных, когда в застолье отец, видимо, уничижительно высказался о маме и её оскольских родственниках. Было это ещё в моём дошкольном детстве на улице Мира до рождения сестры. Мама в слезах увела меня домой – в соседнюю квартиру и всерьёз начала собираться уезжать со мной на родину в Старый Оскол. Я счастливая, в предвкушении путешествия с энтузиазмом ждала отъезда (очень любила поездки к бабушкам). Быстро пришли папа и Нина Ивановна с моей подругой Наташей и начали уговаривать маму не принимать поспешных решений. Я наоборот торопила маму с отъездом, а Наташа плакала и убеждала меня, что от папы уезжать нельзя – они вот уехали однажды от Наташиного отца, и теперь его у неё нет. Папа сидел молча, в руках у него было какое-то пёрышко. Не помню, просил ли отец у мамы прощения, но в тот раз мы остались дома к моему большому огорчению.

Другая запомнившаяся ссора родителей была, когда я заканчивала университет и писала свой диплом. Жили мы тогда на ул. 9-е Января в большой трёхкомнатной квартире. Родители наводили порядок в спальне, а я была в противоположной "детской", что-то у них пошло не так, раздались громкие голоса и мамины стенания, потом она вроде как собралась терять сознание. Мне пришлось вмешаться и со словами, что нельзя отвлекать студентку не успевающую сдать диплом вовремя, я пошла мирить родителей.

Вообще между родителями были удивительные отношения. В первые годы их жизни, когда другие жёны машинистов провожали мужей в поездки в любое время суток (по словам отца), маму хватило на один раз, а потом она сказала, что ночные проводы – это сложно. В лучшем случае она готова собирать в поездки отца еду. Папа был мастеровой и домовитый хозяин, во всех наших квартирах он делал ремонты самостоятельно, мама не была ему помощницей, потому что её помощь его не устраивала и вызывала только негативные эмоции, поэтому она перестала вообще участвовать в ремонтах.

Нельзя сказать, что мама была хорошей хозяйкой – она не шила, не вязала, не была фанаткой идеального порядка, она достаточно легко относилась ко всем этим вещам. Как-то она сказала, что даже на родительские собрания к нам в школу ходил отец, её не волновали наши школьные достижения, однако всё это не важно. Психологический климат в семье позволял нам развиваться самостоятельно. Мамина забота в полной мере проявлялась в период наших болезней – горчичники, банки, народные средства – всё шло в ход, в детстве мне даже нравилось болеть. Она неплохо готовила, но ассортимент блюд не был разнообразным. Наша мама работала, в "блатном" месте – на базе, где в период тотального дефицита она могла покупать обувь и иногда одежду не доступную большинству моих сверстников. Как-то отец упрекнул её, что она не готовит дочерей к взрослой жизни, мамин ответ был – выйдут замуж всемо научатся. И это правда.

Ещё одна примечательная история, о которой следует упомянуть. В 80-е годы белёвский дом был снесён, чтобы на его месте построить пятиэтажку. Бабушке Поле дали однокомнатную квартиру, вскоре она переехала жить к дяде Сени в Узловую, в квартиру прописался папа, но по какой-то причине ему это было не нужно и, чтобы не потерять право владения этой недвижимостью, они с мамой фиктивно развелись, её прописали, а потом снова оформили брак. В конечном счете, эта квартира была продана, чтобы родители на эти деньги купили себе квартиру в Тюмени, предоставив мне возможность вернуться с семьёй из Приморья жить в их трёхкомнатном жилье на Первомайской улице. Эта была жертва с их стороны, потому что новое жильё было старой хрущёвкой на первом этаже с проблемными коммуникациями. Впоследствии, отец долго добивался права на новое жильё и в 2007 году ему как участнику ВОВ и почётному гражданину города Тюмени предоставили в обмен на однокомнатную двухкомнатную квартиру в новом доме на улице Щербакова. Это был последний в их жизни переезд. В этой квартире папа дожил до 2011 года, в ней он и умер.

В последние годы жизни папа следил за своим здоровьем, регулярно наблюдался у врачей и периодически находился в стационарах. Однако в преклонном возрасте сложно быть здоровым до конца. Он почувствовал ухудшение самочувствия сразу после 86-го дня рождения в сентябре 2010 года, у него обнаружилась паховая грыжа, которая его беспокоила. Он начал терять аппетит, сильно похудел. Угасал он полгода, весной 2011 года уже было понятно, что улучшения не будет. Накануне его смерти 28-го марта я срочно вернулась из командировки, в двенадцать часов ночи меня привезли к родителям на машине дети и Сергей. Мы все вместе поднялись в квартиру. Папа лежал в своей комнате, у него не было сил говорить, но он всех узнавал.

В последнюю его ночь я находилась рядом с ним, он периодически бредил, звал Гошу (подозреваю, что своего старого товарища и коллегу Георгия Симаева). Утром он попросил молока, хотел то лежать, то сидеть. И вот прислонившись к диванной спинке его глаза, как-то неестественно закрутились, он тихо сказал: "Всё, всё, всё", и умер. Похоронили его с воинскими почестями на Червишевском кладбище.

Мама после смерти отца жила на Щербакова до 2016 года. Ей стала изменять память, а деменция начиналась ещё при жизни отца. Одну оставлять её уже было нельзя, поэтому какое-то время в квартире жили квартиранты. В отличие от отца, мама не жаловала врачей, физическое состояние её не внушало опасений, но мозг потихоньку отказывал. Дважды она уходила из дома и дважды мы её быстро находили. В феврале 2016 года, пришлось выселить маминогo квартиранта, и я увезла её к себе на Первомайскую. Два года мы жили с ней вместе, вначале пока у неё были силы, она пыталась выйти из дома одна, но уходя из дома, я её закрывала на ключ и ей это очень не нравилось. В последнее время она не всегда меня узнавала, считая, что перед ней её мама или сестра. Периодически у неё были ухудшения состояния, но она восстанавливалась, и так продолжалось до конца января 2018 года, когда она ослабла настолько, что я не могла её уже поднять. Она потеряла аппетит, в последние дни она всё время лежала с закрытыми глазами, уже не было у неё даже глотательного рефлекса. Приходившие по вызову врачи, отметили первую стадию умирания, и ничего с этим было сделать нельзя. Умерла она рано утром 9 февраля. Похоронили маму рядом с папой. Так закончился земной путь Ивана и Неониллы.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

На фото Иван во время службы в армии

иск. 01186
Рис. 01/2
3.08.44

ИМЕННОЙ СПИСОК
безвозвратных потерь сержантского и рядового состава
за период с 10.08.44 по 1.10.44 1944 г.

Форма № 2/81
ИЗДАНИЕ II от 26.04.44
СЕКРЕТНО (после записки) Вкл. № 1

Ранг	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	Должность и специальность	Партия	Год рождения	Какой местности уроженец	Какой РВК призван и какой обл., с какого года в армии	Когда и по какой причине выбыл	Как похоронен	Ближайшие родственники	Как проживает (наименование)
1	Белорусов Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
2	Самойлов Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1926	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
3	Мухоморов Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
4	Масляков Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
5	Мотков Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
6	Михайлов Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
7	Рябов Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
8	Васильев Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
9	Войков Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде
10	Васильев Иван Иванович	Сержант	Помощник командира взвода	Коммунист	1925	Александровский р-н Ярославской обл.	Самаркандский РВК с 1941 г.	Убит 10.08.44	Похоронен в Самарканде	Жена: Мария Ивановна	Живет в Самарканде

На фото именной состав безвозвратных потерь сержантского и рядового состава, где восьмой в списке папина фамилия

На фото Иван второй справа

На фото Иван и Володя Солнцев

На фото Иван с семьей сестры Татьяны (мужем Николаем Сухановым и сыном Виктором) за месяц перед отъездом в Тюмень 12 августа 1951 г.

На фото Иван и Нила июль 1961 года

На фото Семён Данкин, Владимир Солнцев и Иван на ул. 1-й Ершовской
На месте, где стоял наш дом

На фото Иван и Неонилла январь 2007 года в своей квартире на ул. Карла
Маркса

МОЯ ИСТОРИЯ

Родилась я 12 декабря 1957 года в городе Тюмени в семье своих родителей – Ивана Дмитриевича и Неониллы Аполлоновны Данкиных. После свадьбы в октябре 1956, по рассказам мамы, отец заявил ей, что если она не забеременеет в ближайшее время, то он может с ней и развестись, поэтому моё появление на свет, возможно, позволило сохранить их брак. Первые мои детские воспоминания, однако, связаны с Ригой, где с родителями я была в двухлетнем возрасте в гостях у папиной сестры Татьяны Сухановой. Помню смутно вид из окна на реку и то, что на улице меня угостили каким-то фруктом, а он мне не понравился, говорили, что это был банан.

На фото мне полгода

Первые тюменские воспоминания связаны с проживанием на улице Фрунзе, в коммунальной квартире у нас было две комнаты, длинный общий коридор и общая кухня с примусами. В коммуналке ещё были дети, у одной девочки я научилась сосать подол своего платица, и мне это очень нравилось, наверное, у неё же был трёхколёсный велосипед, на котором я каталась по коридору. В комнате напротив жили Лысковы, у них глава семьи занимался фотографией и иногда (возможно это было всего лишь раз) я присутствовала в процессе проявки и фотопечати.

Мама в то время была домохозяйкой, поэтому ни в ясли, ни в детский сад меня не водили. Для профилактики рахита меня поили рыбьим жиром, один раз мама ушла куда-то, а мне оставила ложку с рыбьим жиром на круглом столе. Я долго ходила вокруг стола, придумывая как этот жир мне выпить, и придумала его вылить в форточку, что и сделала, а пришедшей

маме соврала, что выпила. Помню мамин "торт", который делался из печенья промазанного заварным кремом – очень вкусно. Ещё был случай, весной, наверное, в марте, уже было тепло, но очень грязно на улице, мы с мамой собрались в город. Меня нарядили и выпустили первой во двор, а я пошла на пустырь, который был рядом с домом, и в красивых ботиночках залезла в грязь. Конечно, пришлось остаться дома, но не помню, чтобы меня за это наказали. А в грязь я залезла потому, что очень яркими были солнечные блики в лужах, и я хотела рассмотреть их поближе. Надолго ощущение весны было связано с этими солнечными лужами.

В начале 60-х годов был дефицит продуктов и крупы, например, давали по килограмму в одни руки. Так вот, помню долгие очереди в магазине и то как, купив килограмм на меня, мама передавала меня своей знакомой, чтобы та тоже взяла дополнительный килограмм себе. Там же, на Фрунзе, у нас было радио, которое я полюбила слушать. Меня долго занимал вопрос, почему, сообщая нам "последние" известия через какое-то время дикторы снова рассказывали нам новые "последние" известия. Ведь они же последние, значит, после них ничего не должно быть.

На фото я с мамой в гостях у Лысковых

В декабре 1962 года мы переехали в однокомнатную квартиру в новый дом на улице Мира. Сразу же во время переезда познакомились с соседями, помогая друг другу обустраиваться. С тех пор моей подругой стала соседка Наташа Мочаловская, она пошла в школу на год раньше меня и я, приходя к ней в гости, участвовала в выполнении ею домашних заданий, по всей видимости, тогда я и научилась читать. У нас был хороший двор – просторный с травой и деревьями, которые посадили сами жители. Всё

свободное время проводили, гуляя с подругами, а если не гуляли во дворе, то устраивали игры с куклами в подъезде. Иногда по вечерам рассказывали страшные сказки про гроб на семи колёсиках и чёрную-чёрную комнату, после чего страшно было подниматься домой на четвёртый этаж.

За полгода перед школой мама устроилась на работу и меня отдали в детский сад "Чайка", в жизни появился режим и ненадолго новые друзья. В первый класс я пошла в 1965 году в 35-ю школу, что находилась недалеко через дорогу на улице Мира. Очень мне нравился запах покрашенных парт в классе и цветов бархатцев на клумбе перед школой, они ассоциировались с началом учебного года. Учиться мне нравилось, потому что было легко, до третьего класса я была круглой отличницей, потом оставалась твёрдой хорошисткой. В школе кроме уроков ходила на математический кружок и в секцию легкой атлетики. В дни зимних каникул почти каждый день ходила в кино в кинотеатр "Октябрь". Летом мы с родителями уезжали к бабушкам в Белёв и Старый Оскол, отпуск родителей был недолгим, поэтому иногда летом ещё ходила в школьный лагерь, но чаще времяпрепровождение организовывала самостоятельно. Это значит, что много читала, рисовала кукол и одежду для них, устраивала из обувных коробок кукольные домики, слушала радио, позже смотрела телевизор.

Однажды мы с Наташей в их квартире поставили спектакль "Царевна-лягушка" для своих родственников. Этот сюжет мы выбрали потому, что у меня был зелёный трикотажный костюм, поэтому роль лягушки досталась мне. Во время зимних каникул всегда были ёлки, устраиваемые для детей в клубе Ильича (это теперь дом культуры "Железнодорожник"), с обязательными театральными постановками. В квартире тоже ставили новогоднюю ёлку высотой до потолка, украшали её стеклянными, картонными и самодельными игрушками. Всё это делало праздник волшебным, хотя кроме сладкого подарка на детской ёлке никакого другого сюрприза от Деда Мороза не было.

Однажды во дворе сказали, что у кого-то родилась сестра (или брат, не помню) и я поняла, что на свет периодически приходят новые люди, а потом кого-то хоронили, и значит те, кто живёт сегодня, тоже будут стареть и умирать, но не сейчас, а когда-нибудь потом. Так сформировалось ощущение бренности сущего, ведь до этого казалось, что то, что есть сейчас, будет всегда. И в один прекрасный момент, лет в восемь, я страстно захотела брата, стала приставать к маме с просьбой о нём (почему-то уже знала, что надо просить её). Она ничего не обещала, однако младшая подружка Вера Патрушева как-то сказала, что моя мама проглотила арбуз и у неё скоро кто-то родится.

О скором рождении нового члена семьи мне сказали, когда мама уходила в роддом, и я со дня на день стала ждать маму и брата (может и сестру). И вот возвращаюсь я вечером из школы, а соседи говорят, что мама с сестрой уже дома, как же я обрадовалась. Прихожу домой, а там за шкафом на родительской кровати на подушке лежит младенец, и я стала ждать, когда она заплачет, чтобы голос младенческий услышать. Потом я чуть не плакала, представляя, как моя сестра в школу пойдёт, а её там обижать станут. Иногда перед сном начинала представлять бесконечность, до головокружения доходило. В связи с рождением сестры Тамары папе дали двухкомнатную квартиру в новом доме напротив.

Отдельного рассказа заслуживает история наших имён. Когда родилась я, мама мечтала, что назовёт меня Диной или Лолитой. Это имена знаменитых тогда актрис и певиц Дины Дурбин и Лолиты Торес. Пока она представляла, как эти имена будут сочетаться с отчеством Ивановна, папа со своим другом Виктором Ясинским пошли и записали меня Татьяной, ведь у отца сестру так зовут, а у Виктора уже растёт дочь с таким именем. Мама расстроилась, уж никак не ожидала она такого решения не согласованного с ней. С именем же сестры как-то быстро все согласились, хотя тоже долго выбирали. Бабушка Поля, правда, предлагала имя Ия, но оно к сестре не подошло. А пришел к нам в гости папин друг Виталий Фёдорович Соснин (впоследствии он стал начальником Свердловской железной дороги, а потом замминистра МПС) и в застолье предложил имя Тамара, так звали его сестру. Это имя понравилось всем присутствующим, так и решили назвать новорожденную.

Так вот, в декабре 1966 года мы переехали на улицу Карла Маркса в двухкомнатную квартиру. Там в спальне поставили детскую кроватку, а я спала в другой комнате на диване. Часто к нам из Старого Оскола приезжала бабушка Клава и тогда она спала со мной на диване. Перед сном я расспрашивала её о старой жизни, и она с удовольствием мне рассказывала про свою дореволюционную молодость. От неё я узнала, что одним из прадедов наших был крепостной по национальности мордвин, которого обменяли на щенка борзой собаки. Из бабушкиных рассказов складывалось впечатление о том, что её семья не бедствовала, но чем занимался отец, к сожалению, я не запомнила.

Совсем ещё маленькую Тамару отдали в детские ясли, потому что маме надо было выходить на работу. Я часто днём дома оставалась одна, но никогда мне не было скучно. Делать домашние задания мне не составляло особого труда, только не любила писать сочинения. Тридцать пятая школа была восьмилеткой, поэтому успешно сдав экзамены в выпускном классе,

заканчивать среднюю школу перевели в тридцатую. Там у меня появились новые подруги – Наташа Зайцева, Ира Заболотная, Галя Глушкова, Лариса Воронина и Света Сотникова с которой мы были подругами с первого класса 35-й школы.

Наташа Зайцева нравилась одному парню и, чтобы ей было не скучно, мы влились в пацанскую компанию её ухажера. В этой компании был Алексей Весёлкин – студент художественного отделения училища искусств. Он был младше нас на два года, но весьма нам с Наташей нравился, а так как она была девушкой другого, логично, что с Алексеем начала встречаться я. Алексей являл собой типичный образ богемного художника – длинный шарф, брюки - клёш по моде, диссидентские разговоры. Он мне казался умным не по годам, что и привлекало, но через месяц они стали встречаться с Наташей и я узнала об этом от Светы Сотниковой. Поразмыслив немного, я решила, что парни у нас ещё будут, а подругу терять как-то не хочется, о чём Наташе и сообщила, гордясь своим благородством. Как потом оказалось, это было правильным решением.

После окончания 10-го класса встал вопрос – куда поступать учиться, то, что мы пойдём в ВУЗ, сомнений не было. Я, Ирина и Галина решили поступать в ТГУ на физмат, Наташа собралась туда же на экономический факультет, Света подала документы в индустриальный институт. Первый письменный экзамен по математике подружки завалили, а мне "натянули" тройку и на устном экзамене по математике сказали, что примут, но с условием, что я стану учиться не на математика, а на физика. Девчонки быстро подали документы в индустриальный институт и поступили в него, а я совершенно не знала и не любила физику, поэтому сказала родителям, что экзамен по физике завалила и в этом году учиться нигде не буду, сама же на третий экзамен не пошла, а пошла в кино. Об этом подруги знали и в этот же день Светка Сотникова "сдала" меня моей маме. Она вообще по жизни подленькая была, почти каждой из нас успела сделать несколько мелких пакостей.

До середины осени я ничем не занималась, а в октябре родители озадачились моим бездельем и устроили меня на аккумуляторный завод в отдел главного технолога копировщицей. Так, в 17 лет начались мои трудовые будни. Свободное время я проводила в студенческой компании Наташи Зайцевой - вечеринки, танцзал и, конечно, всё это мне нравилось. Наташа убедила меня тоже поступать на экономический факультет, тем более, что с её группой я уже познакомилась. Так я и сделала. В августе 1975 года сдала вступительные экзамены в ТГУ на экономический факультет и здесь мои знания по математике уже были оценены высоко. У мамы в это

время был отпуск и она, сказав, что я возможно опять не поступлю, а она отпуск "потеряет", уехала с сестрой к родственникам.

Учёба в университете сильно отличается от школы, иллюзия полной свободы, а ещё подруга Наташа сказала, что я умная и экзамены сдам легко, даже не готовясь к ним. Я ей поверила и первую сессию с треском завалила – все четыре экзамена. Думала, что высшее образование это не моё, но пересдав сессию на тройки в основном, стала учиться дальше, хотя и без особого энтузиазма. Так продолжалось до третьего курса, когда начались специальные дисциплины и к нам приехал заведовать кафедрой Попов Анатолий Семёнович. Его лекции производили большое впечатление, он вовлекал нас в исследовательскую работу, и мне наконец-то понравилось учиться настолько, что зимнюю сессию на третьем курсе я сдала на повышенную стипендию. Защитив диплом, написанный под руководством Софии Суреновны Лалаянц (Жуковой), по распределению в 1981 году я приступила к работе в финансовом отделе Тюменского облисполкома в должности старшего экономиста бюджетного отдела. Отработала в нём, положенные молодым специалистам, три года и по приглашению Софии Суреновны, которая к тому времени стала уже заведующей кафедрой, перешла на работу в университет ассистентом кафедры финансов, денежного обращения и кредита.

Наконец-то я нашла работу своей мечты. Дело в том, что однажды, готовясь с Наташей Зайцевой к выпускным экзаменам в десятом классе, я придумала историю своей мести за неё одному молодому человеку, в которого Наташа была безответно влюблена. Я рассказывала ей как на экзамене в университете, где уже работаю преподавателем, заваливаю дочь этого парня – нашу студентку (никакой дочери, естественно, ещё и в помине не было). И так это всё для меня было реалистичным, я буквально ощущала себя этим преподавателем, хотя даже окончив университет, не знала, как попадают на преподавательскую работу. Чтобы стать квалифицированным специалистом, мне предстояло поступить в аспирантуру либо в московскую, либо в ленинградскую. Планировалась заочная аспирантура в Москве, однако появилась возможность поступить в очную и я ею воспользовалась с удовольствием. Предполагалось осуществление ещё одной заветной мечты – переезд на постоянное жительство в Москву, но ещё больше я мечтала о самостоятельной жизни, ведь мне уже исполнилось тридцать лет.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

На фото бабушка Клава, я и мама, 1959 год

На фото соседи по коммунальной квартире у кинотеатра "Октябрь", дети –
Коля, я и Рита

На фото Вова Ярмольчик, я и Саша Фадеев на площади перед домом
советов, Тюмень, май 1964 года

На фото Тома, декабрь 1970 года

На фото Тома и папа

На фото день рождения Вовы Ярмольчика (крайний слева)

На фото мне 12 лет

На фото свадьба Наташи Зайцевой и Алика Захарова